

Сказка о Гении

Егор Упиров

Егор Упиров

Сказка о Гении

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70285150

SelfPub; 2024

Аннотация

Иногда имя может стать бременем, недостижимым идеалом.
Например, Аполлон, Гений или Олег.

Егор Упиров

Сказка о Гении

Был да жил в квартире вечно хмурый дядька пожилой. Седая борода редующим веером, острый крючковатый нос, два старых каштановых глаза и хитрые тонкие губы заядлого выдумщика составляли портрет Васюткина Гения Францевича. Он ни на грамм не соответствовал своему имени, предпочитая соответствию сто грамм за воротничок два раза в день: перед сменой и после смены. Иногда, но только в исключительных случаях, скажем в Рождество или в среду, сто грамм употреблялись вместо смены. Гений Гения Францевича был посвящен обходу железнодорожных путей. Он был обходчиком. Мать Гения была профессором в одном из высших учебных заведений их провинциального города, который, впрочем, является региональным центром. Цецилия Константиновна преподавала романскую литературу. Отец же его специализировался на древней Греции. Именно Франц Аполлонович дал имя сыну, назвав того в честь себя.

Франц был чрезвычайно самолюбивым человеком, способным сутками рассматривать себя в зеркале. Доходило до того, что после такого «сеанса» просмотра, отражение Франца нередко сваливалось, изнемогая от усталости и несколько дней потом не проявлялось в зеркале, а однажды и вовсе ис-

чезло. Какой шум стоял в тот день в их обычно тихой квартире! Когда Франц понял, что не видел собственного отражения уже больше недели, он завопил с такой силой, что у Геня Францевича развилась тугоухость и он не стал музыкантом. Впрочем, музыкантом Гений никогда быть и не хотел. После исчезновения отражения, Франц пожил недолго. Всего две минуты. Но всё это нам известно со слов самого Геня. Всё описанное далее также дошло до нас со слов обычного стареющего путейца, чье имя больше его носителя. Приятного.

Однажды Гений Францевич, в день воскресенье, в квартире, больше похожей на хижину, на кухне, большей похожей на кладовку, за столом, больше похожем на две табуретки под скатертью, уснул. Он уже давно не брился и не стригся, из-за чего был похож на пса. Только ему не говорите! Его руки болтались по швам, а из пасти к полу стекала слюна. Старенький холодильник «Минск» прерывисто гудел, как бы засыпая и просыпаясь. На кухне и за ее пределами была глубокая ночь. Гений Францевич тихонько сопел и проживал невероятную историю:

Что-то неопишимо теплое по настроению и цвету залило собою небо. Но это не был цвет, это была эмоция, в центре которой Кроха великан босоного бежал по озерам, как по лужам. Он был одет в целлофановый пакет майка с красным логотипом, вместо брюк на его ногах порос мох и обвился плющ. В небе летали воблы. И их было так много! Так много!

Кроха великан глотал их прямо на ходу! А воблы покорные судьбе ангельски пели:

Ау!

Ау!

Ау!

Что прои-зо-шло? Мы снова в небе?

Как же нам-не-по-ве-зло! Мы снова в небе!

Ау!

Ау!

Ау!

Их песня осела всюду: от бесконечных пространств, используемых под пастбища свиней и гусей, до бездонных стаканов морей. Это были именно стаканы, как в поезде, только вместо металлической подставки скалы, а вместо чая соленая вода. В таких красотах радостно бежал Кроха великан. Гений Францевич видел всё как будто со стороны, но в то же время явственно ощущал себя великанчиком, этим огромным одноглазым дитем. Он чувствовал вкус серебряных подсолненных вобл, утопал в их ангельской песне! «Это не жизнь... Сказка!». Даже во сне мозг Гения это осознавал. Но что это? Но кто это? Неужели...? Да! Это Голиаф бежит навстречу крохе великану! Это его отец!

– Папа! Папа! Папа!

– Сынок! Сынок! Сынок!

Великаны крепко обнимаются, пока все вокруг содрогается под тяжестью их радости. Голиаф поднял сына так высоко, что вот уже заметен Сатурн, Юпитер, а вон там, возле солнца, бежит Аполлон.

– Дедушка! Дедушка! Дедушка! -, во всеуслышание закричал Гений Францевич, - Что ты тут или там делаешь? Почему ты не умер? Почему ты бежишь от солнца?

Аполлон фон Граций Везувий Олегович был похож на упитанного сурка в смокинге, из нагрудного кармашка которого свисала цепочка от часов. Он, запыхавшись, перескакивая с кометы на комету, пищал:

– Времени нет! Времени нет! Срочно! Ты должен придумать его! Иначе всему конец! Все пропало! Все пропало!

– О чем ты говоришь? Кого придумать? Ты разве не рад меня видеть?

Аполлон фон Граций Везувий Олегович обнял внука и поцеловал его в макушку, сдув с нее все волосы. Гений Францевич остался лысым как воздушный шарик:

– Рад, конечно, рад! Мы не виделись с тобой уже, – он попытался сосчитать в уме, – уже целую вечность. Во всяком случае не меньше ее половины. Конечно, я рад тебя видеть! Но ты должен внимательно меня послушать! Выслушать! Готов?

– Что стряслось, дедушка?

– Ты слышишь меня? Гений! Гений! Ты слышишь меня?

– Говори! Говори же!

– Дрянной мальчишка! Ты не слушаешь меня! Ты должен выслушать меня! Гений! Гений!

Произнося это, дедушка как будто сжимался в кулак, до тех пор, пока окончательно не исчез. Вокруг звезд эхом расплылось его последнее слово: «Г Е Н И Й»

– Дедушка! – Гений Францевич стоял абсолютно один в черном полотне космоса, где кроме звезд ничего больше не было, – Исчез...

Он стоял оцепенев, как тролли у которых нет часов. Он не смел шелохнуться. Он ждал. Звезды исчезли, на их месте незаметно выросли золотистые папоротники. Гений Францевич оказался в лесу. Среди сосен и елей мишка косолапый по лесу ходил, шишки собирал и романсы пел под виолончели сверчков и пианино травы:

О, где же вы дни любви,
сладкие сны,
юные грезы весны...?
Где шум лесов,
пенье птиц,
где цвет полей,
где серп луны,
блеск зарниц?

Всё унесла ты с собой,
и солнца свет,

и любовь, и покой!

Всё, что дышало тобой лишь одной!

Гений Францевич был заморожен пением медведя с плетеной корзиной полной шишек. Белки, кролики, мыши и другие мохнатые обнимались и плакались, подтирая глаза листочками березы.

– Как это красиво... Как это..., - он не выдержал и зарыдал, облокотившись на случайное дерево, - А где же мои дни любви? А я любил? А я любил! – он зарыдал еще сильнее, - Какой я несчастный, какой я жалкий старик! Даже жизнь и ту напрасно прожил! Распил и не заметил, как добрался до дна... Мать профессор, отец профессор, дед известный астроном, а я? Глупый дряхлый путяга! Разбить бы себе лоб, да жалко... лоб ведь ни при чем.

Гений Францевич присел, хотя скорее нелепо шлепнулся, на большой пенёк. Скрючившись, он напоминал иву. Об этом можете ему сказать, вроде даже приятно получилось. Он сидел и слезно проклинал себя, пока медведь все продолжал:

О, вы, дни любви,
сладкие сны,
юные грезы весны!

В сердце моем нет надежд следа!
Все, все прошло и навсегда!

Рыдал весь лес. Даже трухлявый пенёк, на котором сидел Гений Францевич завыл от тоски. Когда песня кончилась, музыка стихла, мишка спокойно продолжил собирать шишки. Он клал их в свою корзинку одну за одной, но казалось корзинка не наполняется и остается пустой. Мишка проходил мимо сосны и выходил из-за березы, проползал под дубом и перешагивал вяз, то увеличиваясь, то уменьшаясь в размерах. Гений Францевич уже перестал рыдать и просто грустно наблюдал за косолапым. Вдруг одна очень крупная шишка, размером с арбуз, сорвалась с ветвей кедра и с криками, и воплями полетела вниз. Медведь задрал голову, ошарашенный внезапным шумом, и шишка с треском приземлилась прямо ему на лоб. Мохнатый повалился на землю, и Гений Францевич подбежал к нему:

– Господи правый! Вы в порядке?

– Рррр...Гений...ты должен его придумать...слышишь?

– Я сейчас позову врача не переживайте...Врача! Врача!

Медведь вцепился в руку Гения Францевича и взглядом, как сюита в миноре, уставился на него:

–Посмотри на меня, мне больше не жить...да и незачем...свою самую большую шишку я уже собрал...Больше уже ничего не будет...Но ты, мальчик мой, послушай, послушай меня! Тебе нужно придумать его! Это важно...Это очень-очень важно. Ты слышишь меня?

– Кого? Кого я должен придумать? Расскажите мне молю Вас...-Гений Францевич сжимал и целовал медвежью лапу.

– Гений! Послушай меня! Послушай! Времени нет! Гений! Гений!, -произнося это медведь быстро уменьшался и едва закончив говорить последнее слово исчез. На поляне еще тут и там слышались его слова, но медведя уже нигде не было.

Гений Францевич сидел на коленях во мху и выл на серп месяца, который так подлю сверкал среди веток старого леса. На толстой грубой ветке дуба сидела синяя сова и повторяла «Пора. Пора. Пора»

Гений Францевич проснулся рывком. Протер глаза и ощетилившиеся щеки. Осмотрелся. Аккуратно встал из-за стола и подошел к окну. Всё еще была ночь. Из раковины несло застоявшейся водой и испорченной едой. Гений Францевич почесал сальную голову и вернулся обратно за стол. На столе сверкала эмалированная тарелка с засохшим кусочком сыра. Гений небрежно взял сыр и съел его.

– Недурно.

Минут пять он сидел и задумчиво жевал, уперевшись взглядом в стену. Он пытался понять свой сон, который по непонятной для него причине он не забыл по пробуждению.

– Придумать...кого...?

Он чесал свою редую бороду и шмыгал носом так, будто вокруг стоял страшный колотун. Гений прокручивал свой сон в поисках ответа. Он помнил каждую деталь, каждый миг, проглядел каждый момент, каждую секунду сна, но нигде не смог отыскать ответа. Вдруг лампочка, служившая ему

люстрой, быстро замигала и Гений что-то понял:

– Ну конечно! Это же так просто! Мне всего-то нужно снова заснуть! Элементарно! Кто-то обязательно снова начнет говорить со мной, скажет, что я должен кого-то придумать и тогда я точно поймаю кого! Точно поймаю!

Гений поспешил в комнату, где на старом заспанном диване он обычно спал. Диван не раскладывался и был накрыт мятой белой простыней, от которой исходил терпкий запах мужской раздевалки и дешевого табака. Гений улегся поудобнее, насколько это было вообще возможно на диване, укутался в пододеяльник, который до этого валялся на полу, и попытался уснуть. Но ничего не получалось. Он пролежал, наверное, с час, пока окончательно не сдался и не уселся на диван.

– Ну что за трагедия!

Как обычно с ним бывает в моменты расстройств, Гений рассматривал стену. Без цели и идеи, исключительно ради процесса. Когда смотришь в одну точку – мир вокруг начинает растворяться, а вместе с ним растворяются и все твои проблемы. Этому его научила Цицилия Константиновна.

Вдруг Гений заметил на стене необычное свечение из-под краешка отходящих от стены обоев, будто бы там была комната. Гений рывком подбежал к тому месту, откуда исходил свет и начал пытаться заглянуть под обои. Но обои отходили лишь на сантиметр, поэтому рассмотреть что-либо не представлялось возможным. Тогда Гений принялся сдирать обои

со стены. Истерично, как в погоне, он срывал кусок за куском, пока не оказался перед дверь во всю стену, из замочной скважины которой лился свет.

– Дверь. Не сон ли это?

Он стоял перед ней, как собака перед витриной мясной лавки, вождедея и страшась входа. Протерев глаза и убедившись, что не спит он принялся дергать дверную ручку, при этом он дрожал, как дрожат после драки. Когда дверь наконец-то поддалась, и он оказался в длинном узком коридоре, в хвосте которого была приоткрыта дверь ведущая как будто в ванную комнату. Коридор был освещен одной мигающей лампочкой на длинном шнуре, а его стены были окрашены в казенный зеленый цвет. Из комнаты в длинное пространство коридора проскальзывал чей-то голос, но слов было не различить. Это походило на молитву. Гений Францевич со сноровкой амбарной мыши крался к приоткрытой тайне. Подойдя к двери, он затаился ещё усерднее, казалось, ещё секунда и он растворится в воздухе. Он аккуратно заглянул в приоткрытую щель.

В комнате, похожей на ванную, но без ванны, душа, унитаза и раковины, перед зеркалом стояло обнаженное существо ростом с семилетнего ребенка и мяло свой крупный, свисающий к коленям живот:

– ...вероятно! Невероятно! О, я как мешок с картошкой! Не кожа, а тесто! А этот живот? Он же похож на лепешку...!

Какой я же красивый! Красивый! Как я завидую всем, кто смотрит на меня! Ещё больше я завидую тем, кто читал мои произведения!

Солнце село как батарейки
И стала грустна душа,
Как желтопузые канарейки
Я пою в плену у плюща.

Моей арии света внимает
Вся армия Иисуса Христа.
Иоанн богослов кивает
И Иуда дрожит как глиста.

О, великие боги, о Бог!
Я твой препослушнейший раб!
За тебя растерзаю любого,
Как самый безумный краб!

О, какие стихи! Какие стихи! Какие рифмы, эпитеты, аллюзии, сравнения! Это озарение, это ослепление, это вдохновение! Я гений! Гений! Гений! – существо кричало, как оргазм, а после принялось целовать своё отражение. В этот

момент Гений сделал неудачный шаг. Доска под ним закричала.

– Кто здесь? А ну выходи, трусливая тень! Сразись, если не испугался, со мной, с великим и могущественным Влациссом!

Гений Францевич смущенно показался из-за двери:

– Прошу прощения...я здесь...понимаете какое де...

– Кто ты такой? Как ты сюда попал?

– Я...Меня зовут Гением, я работаю на... – существо не позволило ему договорить.

– Что!? Как??? Тебя называют гением??? Люди???

– Люди...ну, коллеги в основном...да, в сущности, люди...

Существо вцепилось в Гения и умоляюще завывало:

– Как? Как ты этого добился? Писал стихи??? Романы???
Картины??? Расскажи же мне! Научи же меня! Поведуи!
Прошу тебя! Молю тебя!

Гений отпихнул существо и подался чуть назад:

– Да ничего такого не делал...просто родился...

– Всего-то!?– существо почесывая подбородок и запинаясь об свой живот дернулось в противоположный конец комнаты, -То есть мне всего-навсего нужно родиться...? -существо обернулось к Гению и как заговорщик прошептало, -А ты знаешь...как мне родиться?

– Я не понимаю...

Существо медленно стало подходить к Гению:

– Не понимаешь? Уверен? Ты же уже родился... Подлец! Тварь! Урод! Посмотри на себя в зеркало! Посмотри! – существо разрывалось в ярости и уже было размером с корову, оно тащило замолчавшее тело Гения к зеркалу, – Посмотри мне в глаза! Ты видишь? Видишь? Я! Я – истина! -пауза, – А где я...? Где я? – существо отбросило Гения Францевича на пол, как надоевшую игрушку, и принялось истерично, на грани вопля, рассматривать пустое зеркало, – Меня нет! Где же... где же я? -существо зарыдало, и Гений убежал прочь.

Позади он еще слышал крики существа, но они снова были неразборчивы как панихида. Гений долго бежал, однако, это заняло у него не больше 30 секунд. Он очутился во дворе римского храма Юпитеру. Среди колонн прогуливались красавицы в туниках, а в центре стоял фонтан с каменными птицами.

– Наконец-то! Эй, народ, спешите видеть – явился бог!

Гения обступила разношерстная толпа. И девы, и мужи, и дети все были в ней. И все огромные! Гений Францевич смотрел на них как ребенок смотрит на взрослых. Снизу вверх.

– Мы жаждали тебя, малыш, – женщина в самой мягкой тунике потрепала Гения по голове и взяла его за руку, повела внутрь храма, – Это твой дом. Мы построили его в честь тебя и для тебя. Ты и представить себе не можешь как тре-

петно мы ждали твоего пришествия. Лучшие наши мастера писали в честь тебя оды и возводили храмы. Наши великие полководцы получали титулы, названные в твою честь, – она посмотрел ему прямо в глаза, – а ты взамен даровал им победы. Все, – она окинула рукой просторную зала храма, – всё тут принадлежит тебе, владыка.

Гения усадили на трон. Женщина встала по правое плечо от него. Золотые ворота, через которые они только что незаметно вошли, как призраки, отворились и в залу зашел сторбленный монах. Он хромал, а его лицо было всё в бордельных орденах. Подойдя к подножью пьедестала, на котором был трон, монах пал на колени:

– О, священное божество! О, создатель, покровитель жизни! Не вели казнить! Помилуй!

– Кто этот уродливый монах? – обратился Гений к таинственной женщине.

– Человек.

– И что ему надо?

– Послушай.

Монах продолжал завывать:

– Я был грешен! Но это во имя любви! Во имя мира! Во имя жизни! Не гневайся, о, создатель!

– Что тебе нужно?

– Мне стыдно признаться, но во время одной из вакханалий я потерял его...

– Кого?

– Не вели казнить, о, милостивый! Я потерял смысл жизни! – монах принялся сильно биться головой об каменный пол.

– И что же ты хочешь от меня? Чтобы я помог тебе его найти?

Человек развеселился и поднял хитрые глаза на Гения:

– Придумай новый, создатель.

– Что?

Монах рассмеялся, как смеются водосточные трубы во время сильного дождя:

– Впрочем, с Вашим появлением, я придумал его сам. Благодарю, всемогущий! Я ухожу счастливый и всем расскажу о Вашей добродетели и мудрости!

Монах вскочил и захромал прочь. Уже в воротах он бросил ещё один острый взгляд на Гения:

– Создатель! Ваш дед просил передать Вам, что вы дрянной мальчишка и неспособны придумать ничего ценного, что уж там говорить о НЕМ.

Гений вскочил с трона:

– Стража! Стража, задержите его! Немедленно! -, но никого кроме тучного хохота монаха в храме не было. Гений сам побежал за ним, но споткнулся на лестнице и упал, раскроив голову о каменные ступени. После этого Гений Францевич более ничего не видел.

Какая мораль? Никакой. Это сказка? Во всяком случае звучит сказочно. Гений? Кажется он все там же в кухне, до-

пивает остатки своей жизни.